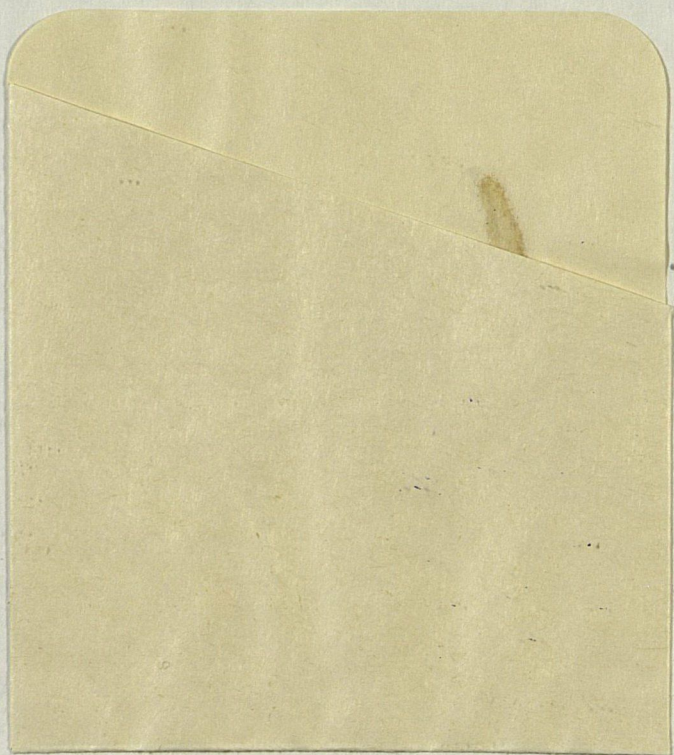

XVI $\frac{69}{14}$

1908

N1-4

ТРОПІЙКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 1

1 ЯНВАРЯ

1908 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ III

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

А. Нупринъ. „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Н. Манасеина. Разсказы для дѣтей. Иллюстраціи художниковъ: *Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чичаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

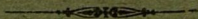
П. Соловьевой (Allegro). „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

М. С. Безобразова. „Исторія одного воробья“. Съ иллюстраціями Цѣна **25** коп.

В. П. Поливанова. Разсказы „Воронъ“. — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

Анатолий Франсъ. „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ иллюстраціями *Allegro.* Цѣна **25** коп.

Allegro. Отвертки въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.

Складъ изданій въ книжномъ складѣ *М. В. Сирожкова.* Спб., Васильевскій Островъ, Большой проспектъ, 6.

1908 годъ.

Январь № 1. 8

I-VI

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

3/11 33/10

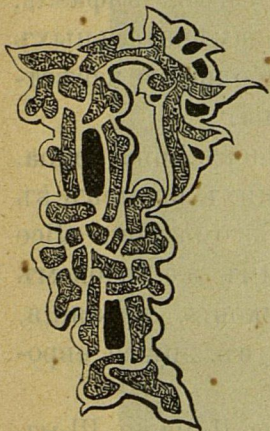
Содержаніе.

1. Мадонна въ креслѣ (*della sedia*).—Рафаэля Санціо.
2. Въ Рождественскую ночь—стихотвореніе *О. Чюминой*.
3. Тамъ, гдѣ золото—разсказъ *А. Вережникова*.
4. Новый годъ—сцена въ стихахъ *Allegro*.
5. Баснотворецъ Эзопъ—*Н. Манасеиной*.
6. Для зимнихъ вечеровъ. Вечеръ второй. Тѣни—*Амз*.
7. Ребусъ № 1.
8. Рѣшеніе ребуса № 12.

Мадонна въ креслѣ (della sedia).

Рафаэля Санціо.

РАФАЭЛЬ Санціо, одинъ изъ величайшихъ художниковъ не только Италіи, но и всего міра, родился въ итальянскомъ городѣ Урбино 28 марта 1483 г. Учиться рисовать онъ началъ подъ руководствомъ своего отца, Джованни Санціо, а потомъ его учителемъ былъ Пьетро Ваннучи, прозванный, по мѣсту своего рожденія, Перуджино. 19-ти лѣтъ Рафаэль кончилъ у него учиться, и написанная имъ въ это время алтарная икона, изображающая небесное коронованіе Богородицы, доказываетъ, что онъ, несмотря на свою молодость, уже тогда значительно превосходилъ своего учителя. Въ 1504 г. молодой Рафаэль переѣхалъ изъ Перуджіи во Флоренцію, гдѣ жили въ то время два другіе великіе художника Италіи: Леонардо-да-Винчи и Микель Анджело. Во Флоренціи Рафаэль сталъ усердно изучать произведенія прежнихъ великихъ мастеровъ. По портретамъ его видно, что и великій Леонардо имѣлъ на него сильное вліяніе. Но, увлекаясь произведеніями другихъ художниковъ, Рафаэль въ то же время ревностно изучалъ природу и дѣлалъ

множество рисунковъ и этюдовъ съ натуры для картинъ, написанныхъ имъ за это время.

Черезъ нѣсколько лѣтъ папа римскій, Юлій II, пригласилъ Рафаэля въ Римъ и поручилъ ему украсить фресковыми *) картинами нѣсколько залъ своего Ватиканскаго дворца. Рафаэль въ совершенствѣ выполнилъ заказъ и расписалъ великолѣпными картинами залы папскаго дворца, которыя и до сихъ поръ извѣстны подъ названіемъ „Станцы Рафаэля“. (Stanza—по-итальянски комната). Живя въ Римѣ, Рафаэль, кромѣ папскаго заказа, написалъ еще много замѣчательныхъ портретовъ и картинъ. Среди нихъ особенно большою извѣстностью пользуются его удивительныя Мадонны.

Мадонна—это сокращеніе итальянскихъ словъ: *mia donna*, т. е. „моя госпожа“ и употребляется съ давнихъ временъ въ Италіи, главнымъ образомъ, какъ названіе Богоматери. (Все равно, какъ во Франціи: „Notre Dame“). Этимъ же словомъ обозначаютъ и изображенія Божіей матери: иконы, изваянія. Въ этомъ значеніи слово Мадонна перешло и въ другіе европейскіе языки.

Первыя изображенія Мадонны находили во II-мъ и III-мъ вѣкѣ, еще на стѣнахъ катакомбъ. Потомъ эти изображенія стали умножаться и появлялись не только въ храмахъ, но и въ домахъ. Въ средніе вѣка почти всѣ художники изображали Мадонну въ разныхъ видахъ и окруженную разными предметами или эмблемами **). Представляли ее то съ Младенцемъ, то въ видѣ юной дѣвушки, парящей на облакахъ,

*) Живопись *a-fresco*—способъ писанія картинъ на стѣнахъ, сводахъ и потолкахъ зданій водяными красками по сырой или свѣжей еще штукатуркѣ. Названіе происходитъ отъ итальянскаго слова „fresco“, что значитъ „свѣжій“.

***) Эмблема—условное изображеніе какой-нибудь мысли, напримѣръ: земной шаръ—эмблема вседержительства, яблоко или плодъ гранатоваго дерева—эмблема искупленія чловѣчества отъ грѣхопаденія.

то осѣняющую покровомъ своимъ скорбящихъ людей, то саму скорбящую надъ мертвымъ Сыномъ. Многія изъ этихъ изображеній были очень хороши, написаны съ глубокой вѣрой и восторгомъ, но рѣдко кому-нибудь изъ художниковъ удавалось

изобразить Богоматерь въ такомъ совершенствѣ, какъ это сдѣлалъ Рафаэль въ своихъ безчисленныхъ картинахъ, изображающихъ Мадонну.

Лучшая изъ этихъ картинъ—знаменитая Сикстинская

Мадонна, находящаяся въ картинной галлерей въ Дрезденѣ *).

Вотъ какъ пишеть объ этой Мадоннѣ поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій:

„Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслью о Мадоннѣ, и, вѣрно, какой-нибудь Ангель разбудилъ его. Онъ вскочилъ:

— *Она здѣсь*,—закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе... Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное... Приходить на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка“.

Сикстинская Мадонна была написана Рафаэлемъ позднѣе всѣхъ другихъ, въ послѣдніе годы его жизни. Среди болѣе раннихъ его Мадоннъ извѣстностью пользуется прекрасная „Madonna della sedia“ (Мадонна въ креслѣ).

Богоматерь изображена на этой картинѣ безъ всякихъ эмблемъ. Она сидитъ въ креслѣ, съ безконечной материнской нѣжностью обнимая Сына, который довѣрчиво и любовно прижался къ ней. Возлѣ Него стоитъ Іоаннъ Креститель, сложившій молитвенно руки, съ крестикомъ.

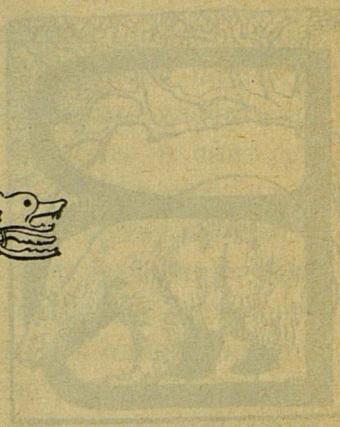
Madonna della sedia находится во Флоренціи, въ картинной галлерей Питти.

Послѣдней картиной Рафаэля было „Преображеніе Господне“, находящееся въ Ватиканскомъ музеѣ, въ Римѣ.

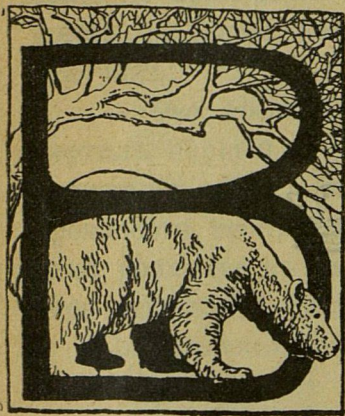
*) Снимокъ съ этой картины былъ помѣщенъ въ 1-мъ № „Тропинки“ за 1907 годъ.

Ранняя смерть застала Рафаэля за работой и не дала ему окончить ея: онъ успѣлъ написать только верхнюю часть картины, остальное дописано его учениками уже послѣ его смерти.

Рафаэль умеръ 6 апрѣля 1520 г., 37 лѣтъ, но въ эту недолгую жизнь онъ успѣлъ сдѣлать такъ много и достичь такого совершенства, до котораго доходятъ только очень рѣдкіе избранники Божіи.

Въ Рождественскую ночь.

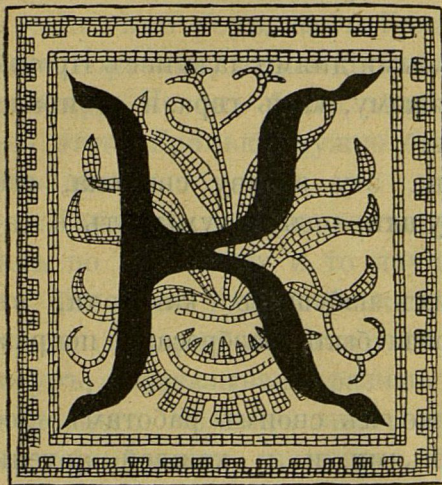
Ъ небесахъ морозно чистыхъ,
Въ сонмѣ звѣздочекъ лучистыхъ—
Мѣсяць всталъ надъ снѣжнымъ боромъ,
Темносиній неба пологъ
Расшиваетъ безъ иголокъ
Онъ серебрянымъ узоромъ.

Нити луннаго сіянья—
Это нить повѣствованья
О рожденіи Христовомъ,
О Христѣ въ хлѣву рожденномъ,
Милосердномъ къ осужденнымъ.
О Христѣ въ вѣнцѣ терновомъ.

Виолеема золотую
Видѣлъ онъ звѣзду святую,
И царей—волхвовъ съ дарами,
Видѣлъ, какъ въ убогомъ хлѣвѣ
И Христу, и кроткой Дѣвѣ
Поклонялись, какъ во храмѣ.

О. Чюмина.

Тамъ, гдѣ золото.

ОГДА Гринька выросъ такъ, что могъ, не сядясь на стуль, стоя на ногахъ, хлебать щи передъ столомъ и самъ рѣзать себѣ хлѣбъ, его стали называть въ шутку пріискателемъ, и мать ему сшила тиковые штаны, а до этого онъ щеголялъ въ одной длинной кумачевой рубахѣ. И Гринька

выросъ въ своихъ глазахъ четверти на двѣ выше того, чѣмъ былъ.

Избенка, гдѣ жилъ Гринька съ отцомъ, съ матерью, съ братишкой Пронькой и сестрой Мотрей, стояла въ тайгѣ, среди лѣса. Она сложена была на мху изъ толстыхъ деревьевъ съ неочищенной корой и на половину сидѣла въ землѣ. Внутри была русская печь, въ которой по праздникамъ, при хорошемъ заработкѣ отца, matka пекла пшеничныя лепешки на салѣ.

Гринька часто думалъ, въ особенности, когда долго не видѣлъ шипящей сковороды съ жирными лепешками, что, если бы у него столько было золота, сколько у самого царя— онъ каждый день разъ пять ѣлъ бы сдобныя лепешки, пропитанныя насквозь саломъ.

Раньше, когда трехгодовалый Пронька качался въ зыбкѣ, Гринька нянчился съ нимъ. Мотря тогда была еще маленькая, чтобы возиться съ Пронькой. Но теперь все шло по другому: сестренка подросла, и Гринька уже не возился съ маленькимъ. Его замѣнила Мотря.

Когда пришло лѣто, она цѣлыми днями лазала съ Пронькой по галичному *) отвалу, высокому, какъ гора, и собирала съ братишкой рябенькіе камешки.

Гринька теперь смотрѣлъ на эту забаву свысока, его уже не забавляли рябенькіе камушки, онъ подумывалъ о самородкахъ.

На приискѣ много было такихъ избушекъ, какъ та, въ которой жилъ Гринька, но всѣ онѣ были разбросаны по разнымъ мѣстамъ тайги.

Старатели **) строились ближе къ своимъ работамъ, добывали золото артелями или семьями, и у каждой артели или семьи была своя дѣлянка, въ разрѣзѣ, гдѣ добывали золотоносные пески.

У Гринькина отца, Якова Безпятова была своя дѣлянка, отдѣльно отъ другихъ. Онъ работалъ съ женой Настасьей только вдвоемъ, да и то Настасья не каждый день выходила на работу. Она была хвораая и все маялась поясницей. Якову трудно было, почти одному, справляться съ работой, и онъ бился, какъ рыба объ ледъ, да и мѣсто для работъ въ это лѣто попало съ плохимъ золотомъ. Безпятовъ съ трудомъ въ день намывалъ сорокъ—пятьдесятъ долей, на рубль двад-

*) Галька—мелкій камень. Галичный отвалъ образуется изъ мелкихъ промытыхъ камней.

**) Старательскими работами называется промывка золота на лоткахъ. Старатели работаютъ сдѣльно и получаютъ плату отъ золотопромышленника за каждый добытый ими золотникъ отъ 2 р. 50 к. до трехъ рублей.

цать, на полтора рубля. Этихъ денегъ еле-еле хватало на пропитаніе.

Яковъ жаловался, что у него нѣтъ помощника, „а Гринька еще совсѣмъ клопъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гринька сталъ щеголять въ тиковыхъ порткахъ, отцовскія жалобы и сравненія стали ему не по нутру. Но онъ былъ слишкомъ малъ, чтобы мыть золото. Для этого Гринькѣ нужно было еще года два прослоняться безъ дѣла.

Училища на прискахъ не имѣлось. Гринька едва читалъ по печатному и то научился грамотѣ по „цигаркѣ“.

Зимой въ ихъ избѣ жилъ чалдонъ (поселенецъ), который курилъ сигарки изъ газетной бумаги. Онъ былъ большой балагуръ, рассказывалъ разныя сказки, и Гринька все вертѣлся около него. Чалдонъ зналъ грамоту и однажды, отрывая клочекъ бумаги отъ газетнаго листа для своей сигарки, онъ ткнулъ пальцемъ въ одну изъ буквъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ и спросилъ Гриньку, стоявшаго около него съ разинутымъ ртомъ:

— А знаешь ли ты, что это такое?

Гринька оскалилъ зубы и произнесъ:

— Буква.

— А какъ она называется, эфта самая буква?—хитро прищуривъ лѣвый глазъ, продолжалъ чалдонъ.

Гринька замоталъ головой.

Курильщикъ нахмурилъ брови и глубокомысленно произнесъ:

— Эта буква называется *ай*, то-есть А.

Гринька внимательно взглянулся въ букву и намоталъ на усъ.

Въ этотъ вечеръ курильщикъ показалъ ему три буквы.

На завтра послѣ ужина, чалдонъ спросилъ Гриньку, помнитъ ли онъ, какъ называются буквы А, Б, В.

Гринька назвалъ только двѣ первыя.

Курильщикъ прочиталъ ему нотацию и задалъ еще двѣ буквы на слѣдующій день.

Мало-по-малу, Гринька сталъ ученикомъ, а поселенецъ учителемъ.

Къ концу зимы Гринька читалъ уже по складамъ. И такъ, пожалуй бы онъ совсѣмъ сталъ грамотнымъ человекомъ, но чалдонъ всю грамоту выкурилъ на сигарки и ушелъ въ сосѣдную падь хищничать *).

Гринька, хотя и не исполнялъ никакой отвѣтственной работы, но все же не шлялся безъ дѣла. Онъ то таскалъ хворостъ къ своей избѣ для топлива и, когда мать была на работѣ, подогрѣвалъ обѣдъ, то бѣгалъ на станъ за провизіей, версты за полторы отъ жилья. А когда нечего было дѣлать совсѣмъ, мастерилъ свистульки, выслѣживалъ сусликовъ или околачивался около китайскихъ фанзъ (избы), неподалеку отъ избы, подъ горой. Почти всѣ дни, и въ праздникъ и въ будни, съ ранняго утра до поздняго вечера китайцы были на работѣ и въ фанзахъ оставались только кашевары, готовившіе обѣдъ и запасавшіе топливо. Гринька съ нѣкоторыми изъ нихъ дружилъ, и китайцы иногда угошали его прѣсными майзовыми **) лепешками, которыя пекли на травяномъ маслѣ. Но и сами китайцы не часто позволяли себѣ это лакомство. Постоянной и неизмѣнной ихъ пищею была дуда, просовая крупа, приготовленная на одной прѣсной водѣ безъ всякой приправы.

*) Хищничествомъ называется незаконная добыча золота на чужихъ пріискахъ тайнымъ образомъ.

**) Майзой китайцы называютъ пшеничную муку.

II.

На пріискахъ рѣдко живутъ семьями за [дальнимъ разстояніемъ отъ селъ и городовъ. Золотыя розсыпи почти всегда находятся верстъ за пятьсотъ, за тысячу и даже больше отъ жилыхъ мѣстъ, среди сплошныхъ горъ, въ котловинахъ, по дну которыхъ протекаютъ маленькія рѣки. Рѣка—спутникъ разсыпного золота и весьма кетати, такъ какъ для того, чтобы отдѣлить отъ земли скрытыя въ ней золотыя песчинки, необходима вода для промывки.

Гринька родился и выросъ на пріискахъ. И онъ только по наслышкѣ зналъ, что есть какія то села, города, многоэтажныя „домины“, желѣзныя дороги и другіе люди, которые занимаются не добываніемъ золота, а чѣмъ то другимъ. Разказы обо всемъ этомъ путались въ его головѣ со сказками и небылицами. Гринька выросъ среди горъ, въ самой глубокой тайгѣ и, когда на пріискахъ появлялись транспорты съ припасами и новыя партіи пріискателей, то ему казалось, что все это явилось откуда то, съ того свѣта. И онъ готовъ былъ думать, что *тамъ* тотъ рай, о которомъ иногда слышалъ отъ отца или матери, потому что оттуда привозили всякія всячины: и пестрые ситцы, и гарусные яркіе шарфы, и плисъ, и сапоги съ мѣдными подковками, и пряники, и ту пшеничную муку, изъ которой matka пекла лепешки. И много еще что привозили оттуда, на что Гринька только разѣваль ротъ...

Но Гринька, однако, не былъ дикаремъ. Онъ былъ почти обо всемъ освѣдомленъ, что дѣлалось вокругъ него: зналъ цѣну золота, умѣлъ считать до ста копеекъ и могъ получить сдачи съ трехъ и даже съ пяти рублей; былъ любознателенъ

и умѣлъ разговаривать съ китайцами на русско-китайскомъ языкѣ. Для этого одинъ изъ разговаривающихъ долженъ знать столько словъ на языкѣ своего собесѣдника, сколько тотъ знаетъ на его нарѣчій. При этомъ русскій произносить свои родныя слова тѣмъ же ломанымъ языкомъ, какъ иностранецъ. Подобные разговоры ведутся обыкновенно такъ громко, что собесѣдниковъ со стороны можно принять за безнадежно глухихъ.

И Гринька таки нерѣдко велъ диспуты со своими желтолицыми пріятелями о томъ, чей Богъ лучше, китайскій или русскій, и котораго изъ нихъ скорѣе можно упросить, чтобы онъ далъ хорошую погоду и загналъ бы тучи за горы, такъ какъ во время дождей работы на пріискахъ становятся невозможными: ямы и разрѣзы наполняются водой и изъ нихъ въ это время нельзя вынимать золотые пески.

Такіе споры обыкновенно кончались удовлетворительно для обѣихъ сторонъ, такъ какъ каждый оставался при своемъ мнѣніи.

Вопросъ о состояніи погоды былъ близокъ всѣмъ, живущимъ на пріискахъ. Гринька, китайцы и гринькинъ отецъ одинаково радовались, когда долго стояли свѣтлые ясные дни. Здѣсь у всѣхъ были однѣ радости и одно горе. И не было на пріискахъ ни одного человѣка, который бы не надѣялся въ одинъ прекрасный свѣтлый день найти въ землѣ цѣлое сокровище. Но рѣдко осуществлялись надежды. За то каждый съ малыхъ лѣтъ до глубокой старости вѣрилъ въ свою золотую звѣзду и, закрывая глаза на вѣчный покой, тянулся къ призракамъ своего счастья.

И Гринька уже мечталъ найти самородокъ „съ тяткинъ кулакъ“. Слово „самородка“ на пріискахъ, среди всѣхъ русскихъ и китайскихъ рабочихъ, было воплощеніемъ счастья,

и крылатая фантазія день и ночь носилась надъ золотыми розсыпями... Про самородку рассказывались сказки, и въ сказкахъ представлялась она то въ видѣ кабаньей головы съ огненными глазами, то въ видѣ кита, который плаваетъ въ водѣ въ ста верстахъ ниже земли.

Но дѣйствительность была куда бѣднѣе. И самородка „съ тяткинъ кулакъ“, о которой мечталъ Гринька, рѣдко кому давалась въ руки: она таилась гдѣ то въ заколдованномъ мѣстѣ, спрятанная чаще всего не тамъ, гдѣ ее искали.

Обыкновенно природа дѣлила, всеѣмъ поровну и всеѣмъ понемногу, мелкое золото. И люди съ большимъ трудомъ превращали его въ доли, лоты и золотники.

Средній заработокъ едва только давалъ возможность пить, ѣсть и въ мѣсяцъ раза два отдыхать за чаркой разведеннаго спирта. Въ лѣтнее время, въ періодъ самой горячей работы, на золотыхъ промыслахъ праздники не соблюдаются, за исключеніемъ двухъ-трехъ двенадцатыхъ.

III.

Когда во всю распахнулось лѣто и наступили ясные дни, работы на пріискахъ усилились. По всеѣмъ направленіямъ изрытой, изуродованной площади съ горами промытыхъ песковъ запестрѣли кумачевыя ситцевыя рубахи русскихъ рабочихъ и голыя, по самый поясъ, бронзовыя спины китайцевъ. Весело зачиликали скребки, зазвенѣли лопаты и забулькали въ водѣ лотки со сторбленными надъ ними спинами промывальщиковъ.

Гринька съ завистью посматривалъ на площадь, сплошь усѣянную народомъ.

На приискахъ въ ближайшихъ районахъ не было ровесниковъ Гриньки, были или меньше или больше его. Последніе ни съ какой стороны не подходили къ нему. Всѣ они мыли золото на ряду съ взрослыми и во всемъ подражали большимъ. Зарабатывая своими руками деньги, они имѣли склонность къ франтовству и нѣкоторые изъ нихъ носили широчайшіе плисовые шаровары, какъ настоящіе приискатели, сарапульскіе сапоги со скрипомъ, на мѣдныхъ подковкахъ. И то у однихъ, то у другихъ кумачи уступали мѣсто кашемировымъ рубахамъ яркаго цвѣта: малиноваго, голубого и краснаго, съ воротниками вершка въ два ростомъ.

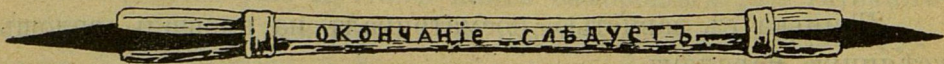
Гринькинъ сосѣдъ Игнатка Сычевъ въ праздничные дни форсиль уже въ цвѣтистомъ гарусномъ шарфѣ, несмотря на жаркіе дни. Шарфъ обвиваль его въ нѣсколько обхватовъ отъ самой шеи до самой спины и еще оставались длинные концы, которые волочились по землѣ.

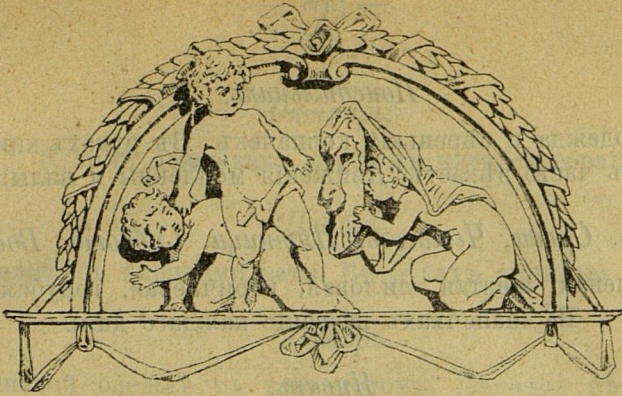
И Гринька думаль:

— Это еще что! Не сегодня—завтра Игнатка купить себѣ и бобровую шапку—это ужъ какъ пить дать! Тогда къ нему и не подступись.

Приискатели любятъ пофрантить и щеголяютъ яркими цвѣтами. Къ нѣмецкому платью они относятся съ пренебреженіемъ. Человѣкъ въ „спинджакѣ“ вызываетъ у коренного приискателя насмѣшки.

Гринька далека еще былъ отъ періода франтовства; онъ еще только-только получилъ право носить штаны. Но онъ особенно не завидоваль Игнаткѣ и другимъ и утѣшалъ себя тѣмъ, что и на его улицѣ будетъ праздникъ.

Новый Годъ.

Сцена въ стихахъ.

Дѣйствующія лица:

Часовичекъ.

(Въ рукахъ молоточекъ и маятникъ. Движенія быстрыя).

Старый Годъ.

(Маленькій старичекъ въ черной поношенной одеждѣ, съ пустымъ мѣшкомъ за плечами и палкой въ рукахъ. На шапкѣ надпись: «1907 годъ»).

Новый Годъ.

(Мальчикъ въ бѣлой одеждѣ и красномъ плащѣ. На спинѣ подъ плащемъ, ранецъ. Въ рукахъ золотой жезлъ. На шапкѣ надпись: «1908 годъ»).

1-й

2-й

3-й

1-ая

2-ая

3-ья

4-ая

Часы (Желтая, черная и красная одежды).

Минутки.

Понедѣльникъ.

(Съренькая одежда и съренькій колпачекъ. Въ рукахъ книги, бумаги. Онъ часто зѣваетъ. Движенія медленны и вялы).

Вторникъ. Среда. Четвергъ. Пятница. Суббота. Воскресенье.

(Одежды: зеленая, желтая, лиловая, коричневая, голубая и розовая. На шапочкахъ названіе каждаго дня).

Январь.

(Въ рукахъ портфель. Видъ серьезный и дѣловой).

Февраль.

Мартъ.

(Въ рукахъ пучекъ вербъ. Движенія быстры и порывисты. Плащъ съ острогонечно вырѣзанными концами).

Апрѣль.

(Золотистая одежда. Въ рукахъ свирѣль).

Май.

(На головѣ вѣнокъ изъ березовыхъ вѣтокъ съ сережками).

Июнь.

(Въ рукахъ полевые цвѣты, на плечѣ гнѣздышко).

Июль.

(Вѣнокъ изъ васильговъ. Въ рукахъ колосья).

Августъ.

Сентябрь.

(Вѣнокъ изъ осеннихъ листьевъ на головѣ. Такими же листьями зашита и вся одежда. Въ рукахъ пучекъ рябины).

Октябрь.

(Сѣрый дождевикъ, на немъ нити серебра).

Ноябрь.

(Бѣлая одежда съ клочьями ваты. Въ рукахъ длинныя бѣлыя вуали).

Декабрь.

(Въ коричневой одеждѣ съ капюшономъ. Длинная сѣдая борода и румяное лицо. Въ рукахъ блестящая елка).

Дѣйствіе I.

Сцена представляетъ залу. Двѣ двери, одна входная, другая ведетъ въ столовую, изъ которой, во все продолженіе дѣйствія, по временамъ слышны возгласы, смѣхъ, звонъ посуды, стукъ отодвигаемыхъ стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Вбѣгаютъ одна за другой четыре Минутки, быстро обѣгаютъ сцену и оглядываются по сторонамъ).

1-ая Минутка.

Смотръ для насъ и всѣхъ назначень
Въ этомъ домѣ?

2-ая Минутка.

Да.

1-ая Минутка.

Удаченъ
Выборъ: комната пуста.

3-ья Минутка.

Люди тамъ въ столовой, рядомъ,
Не смутятъ насъ дерзкимъ взглядомъ:
Дверь, какъ видно, заперта.

4-ая Минутка.

Пролетала я, сестрицы,
Вдоль по улицамъ столицы:
Шумъ, движенье, суетня,
Говоръ, крики, бѣготня!

2-ая Минутка.

Отчего такъ радъ народъ,
Что уходитъ Старый годъ?

1-ая Минутка.

Ждутъ, что Новый лучше будетъ:
Все устроить, всѣхъ разсудить.

3-ья Минутка.

Новый годъ не чародѣй,
Все зависитъ отъ людей.

2-ая Минутка.

Это кто тебѣ сказалъ?

3-ья Минутка.

Пра-пра-прадѣдъ Часовикъ повторялъ
Намъ не разъ...

4-ая Минутка.

А онъ гдѣ?

1-ая Минутка.

Онъ всю землю облетаетъ,
Всѣ часы онъ провѣряетъ,
Долженъ сразу быть вездѣ.
Исправляетъ бой часовъ,
Звонарей заснувшихъ будить,
Ничего не позабудетъ,
Новый Годъ встрѣчать готовъ.

3-ья Минутка.

Пѣтухамъ велить кричать,
Людыамъ полночь возвѣщать.

1-ая Минутка.

Коль не во-время пѣтухъ
Закричитъ,
Пра-пра-прадѣдушка, ухъ,
Какъ ворчить!

2-ая Минутка.

Позабудешься порой
За игрой,
Онъ, откуда ни возьмись,
Поднимаетъ молотокъ:
— Эй, минутки, берегись,
Токъ, токъ, токъ!

3-ья Минутка.

Міръ въ мгновенье облетаетъ
И не знаетъ
Ни пространства, ни дорогъ.
Все онъ вѣдаетъ, все видитъ.
Безпорядки ненавидитъ.

1-ая
2-ая
3-ья
4-ая

Вмѣстѣ.

} Очень, очень, очень строгъ!

ЯВЛЕНИЕ П.

(Входятъ часы).

1-ый Часъ.

Минутки пробѣгаютъ,
За ними часъ идетъ,
И какъ намъ ни мѣшаютъ,
Мы знаемъ своей чередъ.
Одинъ разъ въ ночь,
Одинъ разъ днемъ,
Чтобы пра-прадѣду помочь,
Исправно, ровно мы идемъ.
И къ нашей точности привыкъ
Пра-прадѣдъ строгій, Часовикъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

(Входят Дни недѣли).

Воскресенье.

Насъ всѣхъ семь, мы дни недѣли
И пришли спросить о дѣлѣ:
Здѣсь велѣлъ Часовичекъ
Намъ собраться въ краткій срокъ?

1-ая Минутка.

Да, отсюда Новый Годъ
Будетъ дѣлать свой обходъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

(Входят Мѣсяцы).

Мартъ.

Мы дѣти неба, сыны земли,
Мы всѣ двѣнадцать на смотръ пришли.
На насъ вліяютъ судьбы свѣтилъ,
Небесный мѣсяцъ насъ окрестилъ,
Нашъ срокъ признала вся жизнь земли.
Мы всѣ двѣнадцать на смотръ пришли.

(Минутки все время бѣгаютъ, проскальзывая между Часами, Днями и Мѣсяцами. Онѣ подбѣгаютъ къ двери, ведущей въ столовую и поочередно заглядываютъ въ замочную скважину).

2-ая Минутка.

Что тамъ дѣлаютъ въ столовой?

1-ая Минутка.

Чепчикъ съ лентою лиловой,
Видишь, бабушка надѣла.

3-ья Минутка.

Какъ прислугѣ много дѣла:
Столъ предлинный накрываютъ.

4-ая Минутка.

Мать и дѣти помогаютъ.

1-ая Минутка.

Вотъ отецъ цвѣтовъ привезъ:
Слышишь нѣжный запахъ розъ?

3-ья Минутка.

Въ креслѣ дремлетъ старый дѣдъ,
Прислонившись къ спинкѣ кожаной,
И сверкаетъ искрой свѣтъ
На бутылкѣ замороженной.

2-ая Минутка.

Эта дочка старше всѣхъ:
Прошуршала длинной юбкою.
Грецкій выбрала орѣхъ,
Звонко шелкнула скорлупкою.

4-ая Минутка.

Погляди, какъ хороша:
Каждый взглядъ ея—подарокъ!

1-ая Минутка.

Прикрѣпляетъ, не спѣша,
Восковой свѣчи огарокъ.

3-ья Минутка.

Листъ бумаги мелко рветъ,
На листочкахъ что то пишетъ,
Ихъ на край воды кладетъ,
Ихъ вода чуть-чуть колышетъ.

2-ая Минутка.

Знать, задумала гадать на Новый Годъ.

1-ая Минутка.

Раньше срока всѣ хотятъ взглянуть впередъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

(Входитъ Часовичекъ).

Часовичекъ.

Я Часовикъ-Часовичекъ,
Я очень древній старичекъ:
Съ тѣхъ поръ, какъ появилось время,
Несу вѣковъ несчетныхъ бремя
Велѣньемъ Вѣчнаго Отца.
Моей работѣ нѣтъ конца,
Я никогда не отдыхаю:
Иду стучу, иду вздыхаю.
Какъ древесину червячекъ,

Я жизнь точку, Часовичекъ.
Годъ, мѣсяць, день, часы, минутки—
За всѣми мнѣ слѣдить—не шутки.
Отець, и дѣдъ, и прадѣдъ я
И велика моя семья.
Иду впередъ я безъ оглядки
И навожу вездѣ порядки,
Чтобы Минутки не бѣжали,
Чтобы Часы не отставали.
Какъ паутину паучекъ,
Я жизнь плету, Часовичекъ.

(Онъ обходитъ, помахивая молоточкомъ, всѣхъ присутствующихъ).

Сегодня явится сюда
Мой сынъ, прекрасный Новый Годъ,
И долженъ встрѣтить, какъ всегда,
Готовымъ къ службѣ свой народъ.
Минутки, не зѣвайте,
Секунды отбивайте
Вы ровно, четко, такъ:
Тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ!
И вы, Часы, старайтесь,
Ничѣмъ не развлекайтесь,
Чтобъ былъ доволенъ онъ.
Динь-донъ, динь-донъ, динь-донъ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

(Входитъ Старый годъ).

Старый Годъ.

Я утомленъ путемъ тяжелымъ:
Шель триста шестьдесятъ пять дней

По городамъ, деревнямъ, селамъ,
И путь былъ съ каждымъ днемъ труднѣй.
Все то, что люди совершали,
Ложилось тяжело на меня:
Я былъ виновникъ ихъ печали,
Ихъ неудавшагося дня.
Но дни и ночи проходили,
Я неуклонно шелъ впередъ,
А люди, злобствуя, твердили:
„Какой тяжелый этотъ годъ!“
Но на судьбу роптать не стану.
Я радъ, что конченъ тяжкій срокъ,
И я въ родную вѣчность кану,
Какъ въ море малый ручеекъ.
(Тяжело садится на стулъ. Минутки его поддерживаютъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Вбѣгаетъ Новый Годъ. Слышно, какъ въ столовой часы бьютъ двѣ-надцать разъ. Шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, возгласы:—Съ Новымъ Годомъ!—Поздравляю!—Съ новымъ счастьемъ!—Поцѣлуй, звонъ стакановъ).

Новый Годъ.

Я прилетѣлъ изъ за границы,
Тамъ былъ давно мой первый день.
Спѣшилъ я въ русскія столицы
И въ сумракъ русскихъ деревень.
Для здѣшнихъ былъ я иностранецъ,
Теперь я здѣсь и русскимъ сталъ.

Часовичекъ.

Сними дорожный плащъ и ранецъ.
(Помогаетъ Новому Году снять плащъ и ранецъ).
И здѣсь твой первый день насталь.

Старый Годъ.

Прими, мой сынъ, наслѣдье наше,
Мое и всѣхъ минувшихъ лѣтъ.
Будь всѣхъ сильнѣй, смѣлѣй и краше,
Пролей на землю новый свѣтъ!

(Онъ благославляетъ Новый Годъ).

Теперь съ дѣтьми хочу проститься:
(Прощается съ Минутками, Часами, Днями и Мѣсяцами).

Прощай, отецъ Часовичекъ.
Я буду въ вѣчности молиться
За все, свершенное въ мой срокъ.

(Уходить).

ЯВЛЕНІЕ VІІІ.

(Тѣ же безъ Старога Гола).

Часовичекъ.

Теперь я долженъ, Новый Годъ,
Тебѣ представить твой народъ.

(Новый Годъ садится. Часовичекъ поднимаетъ молоточекъ въ сторону
Минутокъ).

Часовичекъ.

Вы, проказницы—Минутки, выбѣгайте.

Новый Годъ вашъ повелитель, не скрывайте
Отъ него
Ничего.

1-ая Минутка.

(Весело).

Мы любимъ смѣхъ и шутки,
Веселыя Минутки,
Мелькаемъ незамѣтнѣй,
Чѣмъ мошки въ вечеръ лѣтнѣй.

2-ая Минутка.

Какъ рыбки въ тѣмѣ морей,
Скользимъ скорѣй, скорѣй.

3-ья Минутка.

(Печально).

Когда же минуты
Вдругъ станутъ печальными,
Идутъ онѣ тихо
Дорогами дальними.

4-ая Минутка.

И, плача, вздыхаютъ:
— Скорѣй бы конецъ!
Мы стали такъ длинны,
Какъ Часъ, нашъ отецъ.

Часовичекъ.

(Поднимаетъ молоточекъ въ сторону часовъ).

Теперь выходите, Часы мои точные,
И Новому Году явитесь, урочные.

1-ый Часъ.

Мы часы въ ночи и днемъ,
Какъ солдатики, идемъ.
Мы обходимъ каждый домъ.
Динь, и донъ, и бимъ, и бомъ!

2-ой Часъ.

Часъ измѣнчивъ, многоликъ:
То младенецъ, то старикъ,
Здѣсь ничтоженъ, тамъ великъ.
Тукъ, и такъ, и токъ, и тикъ!

3-ий Часъ.

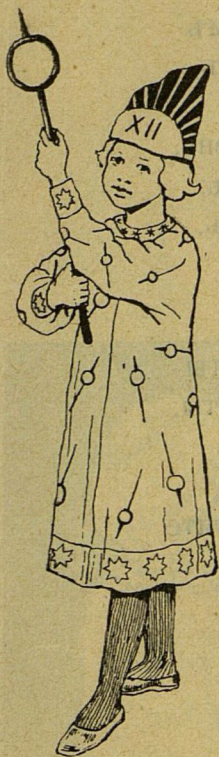
Предокъ нашъ, Часовичекъ,
Намъ назначилъ строгій срокъ,
Исполняемъ мы урокъ.
Тикъ, и тукъ, и такъ, и токъ!

Часовичекъ.

(Поднимаетъ молоточекъ въ сторону Дней).

Дни недѣли, выходите-ка впередъ,
Васъ поближе долженъ видѣть Новый Годъ.

Понедѣльникъ.

Охъ, какъ скучно мнѣ вставать,
За работу приниматься,
Всѣмъ уроки задавать,
И надъ книгою зѣвать,
И съ дѣлами управляться.
Все равно меня бранятъ:
И прилежный и бездѣльникъ.
Вѣдь недаромъ, говорятъ:
— Скучень, точно понедѣльникъ. —

Вторникъ.

(Обращаясь къ зрителямъ).

Если дѣло есть у васъ,
Съ легкимъ сердцемъ, въ добрый часъ
Вы во Вторникъ и начните.
Понедѣльникъ, мой сосѣдъ,
Онъ тяжель, накличетъ бѣдъ,
Понедѣльникъ пропустите.

Среда.

Мнѣ живется скучно, право:
Ни налѣво, ни направо,
Ни туда и ни сюда.
Ничего не начинаю,
Какъ оканчивать, — не знаю,
Середина — Середина!

Четвергъ.

(Онъ держитъ Пятницу за руку).

Четвергъ и Пятница вдвоемъ
Къ концу недѣли мы идемъ,
Туда нашъ путь ведетъ.
Сестры Субботы близокъ день,
И поработать намъ не лѣнь:
Насъ близкій отдыхъ ждетъ.

Суббота.

Отъ уроковъ, отъ работы
Избавляетъ день Субботы.
Отдыхая проведите
Мой уютный вечерокъ
И предъ образомъ зажгите
Вы лампадный огонекъ.

Воскресенье.

Я праздникъ жизни, я Воскресенье,
Я отдыхъ, радость, великій свѣтъ,
И я вѣщаю, что день спасенья
Для всѣхъ настанетъ, что смерти нѣтъ!

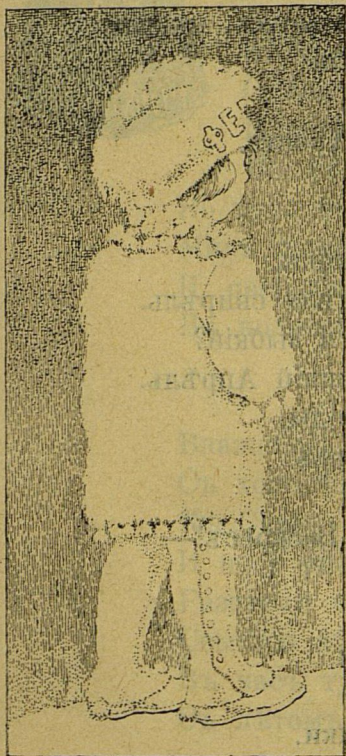
Часовичекъ.

(Поднимаетъ молоточекъ въ сторону Мѣсяцевъ).

Мѣсяца небеснаго крестники земные,
Выходите Мѣсяцы, внуки мнѣ родные.

Январь.

Я первый, я начало
И мнѣ хлопотъ не мало:
Всему веду я счетъ.
Я Святки провожаю,
Морозомъ закрѣпляю
На Иордани ледъ.
А тамъ—скорѣй за дѣло,
Мнѣ праздниковъ не жаль.
Я путь намѣтилъ, смѣло
Иди за мной, Февраль!

Февраль.

Я самый маленькій изъ всѣхъ,
Но дни за то я удлиняю.
Сквозь плачь снѣговъ я слышу веш-
ний смѣхъ.
Какъ Симеонъ Христа, такъ я весну
встрѣчаю.
Какъ старецъ въ сѣдинахъ, бѣлѣю
я въ снѣгу.
Любя весну, спѣшу къ ея порогу
И на два дня скорѣй свой срокъ я
пробѣгу,
Чтобъ Марту—брату дать дорогу.

Мартъ.

И снѣгъ, и солнце,
И плачь, и смѣхъ.
То Мартъ безумный
Тревожитъ всѣхъ.

Зима пугаетъ,
Весна зоветъ.
Пусть всѣ услышатъ,
Что Мартъ поетъ:

Со словомъ вѣчнаго спасенья
Архангелъ въ кельѣ просіялъ,
И Дѣва слушала въ смущеньѣ:
— Да будетъ все, какъ ты сказалъ. —
Съ восторгомъ, съ радостью нездѣшной
Печаль земли слилась въ одно,
Вотъ отчего я зимне-вешній,
И пѣть, и плакать мнѣ дано.
И съ вѣтромъ буйнымъ я мчусь, зываю,
Снѣга растопить моя мечта
И я готовлю сѣдую вайю,
Хочу осанной встрѣчать Христа.

Апрѣль.

Землѣ раскрываются неба улыбки,
Съ прозрачностью нѣжной запѣла свирѣль.
Слышите шагъ мой и звонкій и зыбкій?
Иду я къ вамъ свѣтлый, весенній Апрѣль.
Чутко внимаютъ мнѣ юныя воды,
Глубины земныя и свѣты небесъ,
Птицы и звѣри и всѣ народы.
И я говорю имъ: — Христосъ Воскресъ! —

Май.

Горьки, душисты и липки
Набухшія свѣжія почки,
Изъ вѣтокъ березы и липки,

Плету я, сплетаю вѣночки.
Солнце смѣется и ловить

Пугливо-дрожащую тѣнь
И вмѣстѣ со мной славословить
Ликующій Троицынъ день.

Июнь.

Всѣ луга зацвѣли, земляника созрѣетъ
Въ золотые мои и душистые дни.
Я купаться зову: солнце воды согрѣетъ
И зажгу я Ивановой ночи огни.

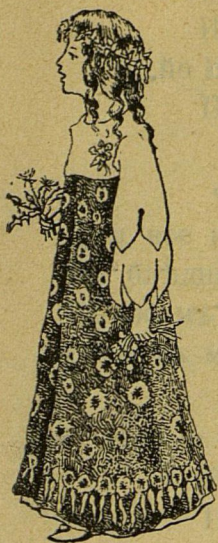
Июль.

Вѣтеръ золото нпвѣ не колышетъ,
Синимъ окомъ глядятъ васильки,
И земля, задыхаясь, не слышитъ
Влажныхъ лепетовъ сонной рѣки.

Но ползуть и сдвигаются тучи,
Мигъ дождя и грозы не далекъ
И, сверкая, низвергнется съ кручи
Въ колесницѣ громовой пророкъ.

Августъ.

Влажнымъ вѣтромъ тихо дуетъ
Съ холодѣющихъ высотъ,
Къ Спасу—празднику иду я
И несу янтарный сотъ.
Разстелю полотна бѣлыя,
Ссыплю яблоки поспѣлыя.
Въ часъ туманный, въ часъ ночной
Съ лѣтомъ я прощаюсь,

На тропѣ, въ глуши лѣсной,
Съ осенью встрѣчаюсь.

И во тьмѣ моихъ ночей
Звѣздный дождь я сыплю ей.

Сентябрь.

Въ воздухѣ хрустальномъ
Паутинокъ нити,
И кричатъ рябины:
— Зрѣемъ, рвите, рвите!—
Я Сентябрь, я вѣю
Терпкимъ холодкомъ
И къ огню сзываю
Долгимъ вечеркомъ.
Устилаю землю
Ризой золотою,
Разстаются листья
Съ жизнью прожитою.
Но подъ перегноемъ
Въ темной глубинѣ
Зерна, засыпая,
Грезятъ о веснѣ.

Октябрь.

Я холодный, я ненастный,
Весь продрогшій и несчастный,
Я, какъ злая тѣнь, бреду.
Люди шлютъ мнѣ вслѣдъ упреки...
Темень, вой, дождя потоки—
Все смѣшалось, какъ въ бреду.
Я усталъ зывать вѣтрами,

Скучно всхлипывать дождемъ
И сѣдыми вечерами,
И въ ночи глухой, и днемъ.
Братъ Ноябрь, я весь дрожу,
Приходи, я ухожу.

Ноябрь.

Дни все короче, а ночи длиннѣе,
Въ блѣдныхъ снѣгахъ прохожу, какъ во снѣ я.
Съ воемъ за мною несутся мятели,
Стонуть мнѣ вслѣдъ: —На яву ли, во снѣ ли?..—

Декабрь.

Покатили на конькахъ,
И у всѣхъ снѣжки въ рукахъ.
Красень носъ и весель крикъ.
Это я, Декабрь старикъ.
Я недаромъ былъ въ лѣсу,
Пахну смолкою:
Я вамъ елочку несу
Съ хвоей колкою.

(Обходить всѣхъ, показывая елку. Потомъ останавливается посерединѣ
и говорить торжественно).

Чудо свѣтлое свершается:
На землѣ Христосъ рождается,
И звѣздами освѣтилась
Для царей—волхвовъ дорога,
И надъ яслями склонилась,
Улыбаясь, матеръ Бога.

2-ая Минутка.

(Смотрить въ замочную скважину).

Дѣти воскъ на воду льютъ
Съ раскаленной ложки,
И янтарныя плывутъ
По водѣ лепешки.

Новый Годъ.

Ну, Минутка, сбѣгай къ дѣтямъ поскорѣй
И слѣпи ты имъ изъ воска средь морей
Съ флагомъ маленькимъ корабликъ парусной.
Пусть смѣются и довольны будутъ мной.

(2-ая Минутка убѣгаетъ).

ЯВЛЕНИЕ IX.

(Тѣ же безъ 2-ой Минутки).

1-ая Минутка.

(Смотрить въ замочную скважину).

Старшая дочка спустила орѣшекъ свой въ воду,
Но не колышетъ скорлупку вода.

Новый Годъ.

Эй вы, Минутки, подите сюда.

4-ая Минутка.

Сестры, зовутъ насъ. Угодно что Новому году?

Новый Годъ.

Ты, Минутка, та, которую она
Самой свѣтлой въ этой жизни назоветъ,
Пробуди дыханьемъ воду ото сна,
Пусть проснется и скорлупку понесетъ.
Челнъ орѣховый ты къ берегу причаль,
Огонькомъ свѣчи бумажку ты ужаль.
Пусть сгораетъ, яркимъ пламенемъ томимое,
Имя избранное, дѣвушкой любимое.

(Первая Минутка убѣгаетъ и быстро возвращается вмѣстѣ со второй Минуткой. Онѣ замѣчаютъ ранецъ Нового Года, осматриваютъ его и осторожно трогаютъ пальчикомъ).

2-ая Минутка.

Что спрятано въ ранцѣ у Нового года?
Хотѣлось бы очень мнѣ, сестры, узнать.

3-ья Минутка.

(Подходить).

Я знаю: событія жизни, погода,
Но только до срока нельзя открывать.
А то всѣ цвѣты зацвѣтутъ въ Январѣ
И полночь очутится вдругъ на зарѣ.

4-ая Минутка.

Ранецъ съ виду не великъ,
А тяжелый, не поднять.

1-ая Минутка.

Пра-пра-прадѣдъ Часовикъ
Будетъ часто помогать,
А не то, самъ Новый годъ
Перепутаетъ чередъ.

3-я Минутка.

Говорять, такъ и бываетъ:
Лѣтомъ, въ Маѣ, снѣгъ порхаетъ,
А зимою вдругъ тепло.

1-ая Минутка.

Какъ быть Годомъ тяжело!

2-ая Минутка.

Быть Минуткой то ли дѣло!

1-ый Часъ.

Нѣтъ, пріятнѣй Часомъ быть.

Вторникъ.

Днемъ быть лучше, безъ сомнѣнья.

Январь.

Ну, какое же сравненье:
Лучше Мѣсяцемъ прожить.

2-ой Часъ

(обращаясь къ Минуткамъ).

Мы отцы, вы—дѣти наши.

2-ая Минутка.

Мы счастливей васъ, папаши,

Ваша жизнь для насъ скучна.

3-ий Часъ.

Эта рѣчь была бѣ смѣшна,

Только ужъ дерзка не въ мѣру.

Четвергъ.

Вы, ихъ слѣдуя примѣру,

Не покорствуете Дню.

Ноябрь.

Нѣтъ, Часы я не виню:

Вы предъ мѣсяцемъ хвалились,

Что счастливыми родились.

2-ая Минутка.

Мы веселѣе, мы легче всѣхъ.

Даны намъ шутки, и пѣснь, и смѣхъ.

1-ый Часъ.

Наказанье оскорбителямъ:

Непочтеніе родителямъ!

1-ая Минутка.

Родится первую Минутка,
А Часъ за нею плетется, ну-тка!

3-йй Часъ.

Отъ раздраженія и гнѣва
Я, самъ не знаю какъ, подвинуль стрѣлку влѣво.

Понедѣльникъ.

Я попрошу васъ замолчать.

Октябрь.

Вы первый начали кричать.

Часовичекъ.

Что за ссоры, что за крикъ?

Мѣсяцы }
Дни } Разсуди насъ, Часовикъ!
Часы. }

1-ая Минутка.

Пра-пра-прадѣдушка милый,
Разсуди насъ и помилуй!

Часовичекъ.

Вашъ повелитель Новый Годъ,
Судить онъ долженъ свой народъ.

Новый Годъ.

Я въ должность только что вступаю,
И для неожиданнаго суда
Тебѣ я мѣсто уступаю.

(Уступаетъ свое мѣсто Часовичку).

Часовичекъ.

Эй вы, подите-ка сюда!
Ну, Минутка, что случилось,
Чѣмъ, малютка, огорчилась?
Мой пра-правнукъ, точный Часъ,
Кто, скажи, обидѣлъ васъ?
Споръ вести тебѣ не лѣнь,
Дѣловой и свѣтлый день?
Чтобъ дѣтей бранить ты сталъ,
Мѣсяцъ, я не ожидалъ.
Говорите прямо, смѣло,
Что случилось, въ чемъ же дѣло?

1-ый Часъ.

Ничтожная Минутка возгордилась
И стала дерзко говорить,
Что прежде насъ, отцовъ своихъ, родилась
И что всѣхъ легче ей и веселѣе жить.

1-ая Минутка.

Мы гордиться не хотѣли:
Новый Годъ мы пожалѣли.

Вторникъ (обращаясь къ Часу).

А кто, скажи, гордился передъ Днемъ
И всѣмъ тикъ-такаль здѣсь о счастіи своемъ?

Январь.

Ну, Вторникъ, знаешь ли, ужъ ты бы помолчалъ,
Что Дни всего важнѣй не ты ли намъ кричалъ?

Четвергъ.

А ты намъ толковалъ, что мѣсяць всѣхъ важнѣе.
Въ обидѣ Новый Годъ, въ томъ убѣжденъ вполне я.

Часовичекъ.

Нѣтъ, больше онъ васъ всѣхъ, но онъ отлично знаетъ,
Что вѣчность часто годъ съ минутою равняетъ.
Минута можетъ стать, какъ вѣчность, велика
И часто долгій срокъ становится минутой.
Бываетъ свѣтелъ часъ и жизнь его легка,
Другой же часъ бредетъ, какъ старичекъ согнутый.
Вы всѣ только части великаго зданія.
Въ немъ радость и слезы, восторгъ и страданія,
Какъ мраморъ блестящій, граниты и лѣсъ,
Сливаясь, восходятъ до самыхъ небесъ.
И кто же предскажетъ, кто, смѣлый, рѣшитъ,
Что въ зданіи важнѣе: лѣсъ, мраморъ, гранитъ
Иль камешекъ малый, чуть видный для глазъ,
Но яркою искрою горящій алмазь?
Плетете вы жизни великую нить,
Вамъ въ ней не дано ничего измѣнить.

Лишь люди, что душу свою полагають
За други,—тѣ жизнь, измѣнивъ, измѣняютъ.
Они въ темнотѣ зажигаютъ огни
Великими дѣлаютъ краткіе дни.
Они претворяютъ минуто и часъ,
И можетъ великимъ стать каждый изъ васъ.
Оставьте же, дѣти, вы споры напрасные,
Веселые—смѣйтесь и плачьте ненастные,
Отдайтесь таинственной волѣ отца
И мудро свершайте свой путь до конца.

Новый Годъ.

Спасибо, ты споръ за меня разрѣшилъ.

(Обращается къ остальнымъ).

Мнѣ каждый изъ васъ и желаненъ и милъ.

Минутки, несите вино мнѣ и чаши,

Мы сдвинемъ ихъ звонко за счастье ваше.

Вино вы найдете тамъ, въ ранцѣ моемъ.

(Минутки бѣгутъ и приносятъ вино и чаши).

Скорѣе по чашамъ его разольемъ.

(Минутки и часы разливаютъ вино и разносятъ его всѣмъ).

Новый Годъ.

Пьемъ за тебя, Часовичекъ!

Сдвигайте чаши!

Всѣ.

Чокъ, чокъ, чокъ!

(Чокаются и пьютъ).

Новый Годъ.

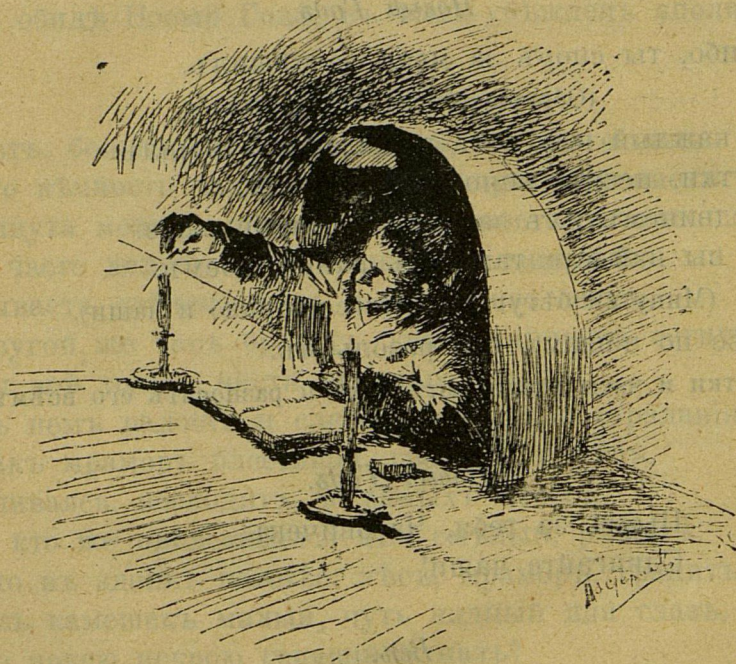
За радостный и сильный
Любимый мой народъ.

Всѣ.

За благостный, обильный
И свѣтлый Новый Годъ!

(Занавѣсъ).

Allegro.

Первый баснотворецъ Эзопъ.

ОКОЛО середины VI вѣка до Рождества Христова жилъ въ Греціи горбатый безобразный человекъ, по имени Эзопъ. Родомъ онъ былъ изъ Малой Азіи. Трудно ему было жить на свѣтѣ: благодаря горбу и изогнутой фигурѣ, онъ не могъ много работать, а, кромѣ того, въ Греціи очень цѣнили

красоту и физическую силу и ловкость, а къ слабымъ и уродливымъ людямъ относились съ презрѣніемъ.

Эзопъ былъ рабомъ у одного богатаго человека, по имени Гадмона, уроженца острова Самоса. Такъ какъ онъ не былъ способенъ на тяжелую работу, то ему поручали исполнять болѣе легкія обязанности. Дѣлая свое незатѣйливое дѣло, Эзопъ наблюдалъ и много размышлялъ.

Наблюдалъ онъ за окружающими его людьми, за домашними животными и съ интересомъ слушалъ рассказы о жизни дикихъ звѣрей и птицъ. Люди часто смѣялись надъ Эзопомъ и больно обижали его, издѣваясь надъ его безобразіемъ и неловкостью и, чѣмъ больше въ душѣ Эзопа накоплялось обиды и горечи на людей, тѣмъ больше начиналъ онъ любить и понимать животныхъ. Люди презирали ихъ, какъ и

его, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ видѣлъ, что многіе недостатки и смѣшныя стороны животныхъ—только отраженіе людскихъ пороковъ.

Животныя дѣлали зло, не сознавая его, значить, имъ скорѣе можно и нужно было простить.

Умъ у Эзопа былъ живой и наблюдательный, а языкъ злой и острый. Онъ не любилъ спускаться своимъ обидчикамъ и старался отомстить имъ не ударомъ, а словомъ.

Посмѣется кто-нибудь надъ его безобразіемъ, а онъ и отвѣтитъ:

— Орель, летающій выше снѣжныхъ вершинъ и видящій всю красоту земли, посмотрѣлъ прямо на солнце, а потомъ перевелъ свой взглядъ на меня и не засмѣялся, потому что онъ мудръ, царственная птица, а ты не смѣешь взглянуть на солнце, боясь ослѣпнуть, роешься въ землѣ, какъ барсукъ, и смѣешься надъ моимъ горбомъ, потому что это безопасно для тебя, трусливый и безумный рабъ.

Или говорилъ онъ такъ:

— Я такой же человекъ, какъ и ты и, издѣваясь надо мной, ты подобенъ обезьянѣ, смѣющейся надъ собственнымъ отраженіемъ въ водѣ водоема.

Особенно возмущали Эзопа пороки богатыхъ и сильныхъ людей, и, не имѣя возможности, какъ рабъ, говорить имъ правду въ глаза, онъ высмѣивалъ ихъ подъ видомъ хищныхъ или глупыхъ животныхъ.

Часто сравнивалъ онъ людей съ лисицей, которая хитритъ передъ сильными звѣрями и льститъ имъ, а сама втихомолку душитъ беззащитныхъ куръ. Сравнивалъ людей и со свиньей, совершающей безмысленныя поступки только потому, что никогда не взглянетъ она на верхъ, а только роетъ носомъ землю.

Иногда эти сравненія переходили у него въ цѣлый рассказъ, и рассказывалъ онъ такъ просто, ясно и остроумно, что всѣ невольно заслушивались его. Иногда онъ не самъ выдумывалъ свой рассказъ, а передавалъ что-нибудь слышанное имъ раньше, еще въ дѣтствѣ, на родинѣ, но всякій, и чужой, рассказъ умѣлъ оживить и сдѣлать интереснымъ.

Слава объ этихъ рассказахъ или басняхъ Эзопа стала мало-по-малу распространяться, сами басни передаваться отъ одного другому, и Эзопъ изъ безобразнаго бѣднаго раба превратился въ извѣстнаго и всѣми почитаемаго баснотворца. Получивъ свободу и сдѣлавшись богатымъ и всѣмъ извѣстнымъ человѣкомъ, Эзопъ отправился однажды въ городъ Дельфы, гдѣ находился знаменитый храмъ греческаго бога солнца и искусствъ, Аполлона.

Въ этотъ храмъ сходились люди на поклоненіе со всей Греціи. Въ числѣ другихъ пришелъ и Эзопъ. Онъ остался такимъ же, какимъ былъ, когда служилъ рабомъ у Іадмона. Такъ же подмѣчалъ онъ смѣшныя и безобразныя стороны людей и зло и остроумно высмѣивалъ ихъ, сравнивая съ какимъ-нибудь животнымъ. Своими баснями онъ очень обидѣлъ нѣсколькихъ гражданъ города Дельфъ и они рѣшили отомстить ему.

Надо вамъ сказать, что храмъ Аполлона въ Дельфахъ былъ весь наполненъ великолѣпными статуями, которыхъ было нѣсколько десятковъ тысячъ; надъ колоннами и въ промежуткахъ между ними висѣли безчисленные щиты, взятые во время битвъ у враговъ. Кромѣ того, въ храмѣ было множество драгоценныхъ сосудовъ и всякой священной утвари. Граждане Дельфъ, обиженные Эзопомъ, украли изъ храма дорогую золотую чашу, да и засунули ее въ котомку Эзопа, а потомъ подняли тревогу. Начали искать чашу, обыскивать

всѣхъ, пришедшихъ на поклоненіе въ храмъ, и нашли чашу у Эзопа. Напрасно онъ увѣрялъ, что не бралъ чаши и не знаетъ, какъ она къ нему попала.

Украсть священный сосудъ считалось страшнымъ преступленіемъ, и человѣка, уличеннаго въ этомъ преступленіи, побивали камнями.

Такъ поступили и съ Эзопомъ.

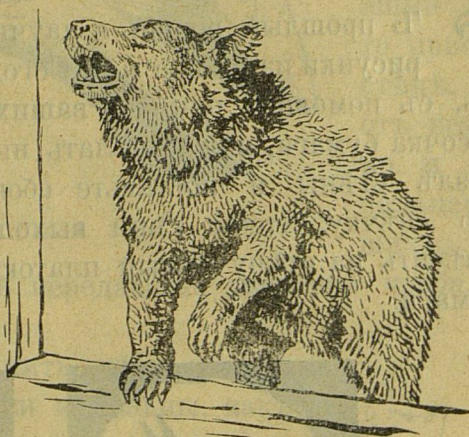
Но прошло много лѣтъ и однажды, неожиданнымъ и чудеснымъ образомъ, обнаружилась невинность баснотворца. Потомки его убійць должны были заплатить большую сумму денегъ, но такъ какъ у Эзопа не было дѣтей, то за этими деньгами явился внукъ Іадмона, того человѣка съ острова Самоса, которому Эзопъ служилъ, когда еще былъ рабомъ.

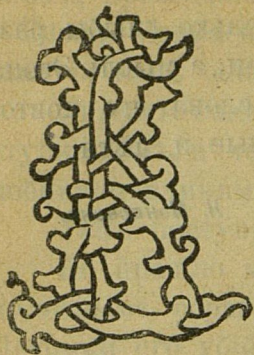
Опять всѣ узнали о Эзопѣ, вспомнили о немъ, стали повторять и передавать другъ другу его басни. Эти басни были записаны въ Аѳинахъ и по нимъ учили дѣтей въ школахъ. Онѣ стали такъ извѣстны, что, желая упрекнуть лѣниваго ученика, говорили:—ты невѣжда, даже Эзопа еще не выучилъ!

Изъ города въ городъ, изъ страны въ страну переходили басни Эзопа, переписывались, измѣнялись, перекладывались въ стихи всевозможныхъ размѣровъ и, наконецъ, дошли до нашихъ дней. Во Франціи имъ подражалъ извѣстный баснописецъ Лафонтенъ, а у насъ, въ Россіи, Крыловъ. Крыловъ лучше всѣхъ умѣлъ писать басни, онѣ у него выходили такія мѣткія, смѣшныя, и были написаны такимъ великолѣпнымъ народнымъ языкомъ, что послѣ него уже никто не рѣшался писать басенъ, такъ, развѣ въ шутку кто-нибудь напишетъ. Читая басни Крылова, интересно и какъ-то удивительно бываетъ подумать, что содержаніе иныхъ изъ этихъ басенъ было создано въ глубокой древности, что отъ великаго Дельфій-

скаго храма, гдѣ погибъ Эзопъ, остались только глыбы развалинъ, на которыхъ ютится деревушка Кастри, а мысль Эзопа жива до сихъ поръ, прошла черезъ вѣка, и слова его повторяютъ и еще долго будутъ повторять взрослые и дѣти.

Н. Манасвина.

Для зимнихъ вечеровъ.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ. ТѢНИ.

Ъ прошлый вечеръ я научилъ васъ дѣлать рисунки изъ кляксъ *). Сегодня я хочу вамъ рассказать, какъ, съ помощью однихъ вашихъ рукъ, нитки и маленькаго кусочка бумаги, можно дѣлать интересныя тѣни.

Станьте возлѣ стѣны и поставьте сбоку столъ, а на него зажженную свѣчку. Чтобы тѣни выходили опредѣленнѣе, хорошо повѣсить на стѣну бѣлый платокъ, салфетку или просто листъ бумаги.

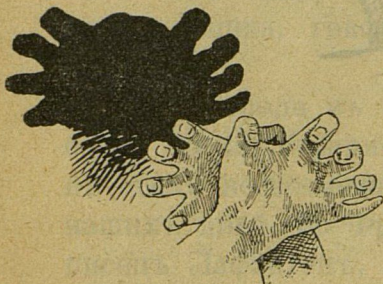

Рис. 1.

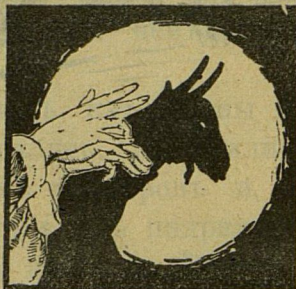

Рис. 2.

Рис. 3.

Станьте какъ разъ между свѣчкой и стѣной, такъ, чтобы тѣнь отъ вашихъ рукъ падала на бумагу, и начинайте.

Для начала попробуйте сдѣлать краба, такъ какъ это всего легче. Для этого надо скрестить руки, какъ показано

на рисунокѣ 1-мъ, и растопырить всѣ пальцы, кромѣ большихъ, которые должны оставаться неподвижными и плотно прижатыми одинъ къ другому. Растопыривъ пальцы, надо еще ихъ скрючить, какъ будто хотите царапнуть кого-нибудь.

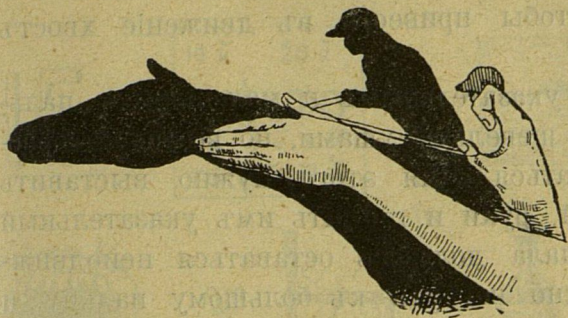

Рис. 4.

движеніе, вполне передающее движеніе краба, ползущаго по песку.

Чтобы получить тѣнь козла, надо сложить руки и пальцы, какъ показано на рисунокѣ 2-мъ, и двигать маленькимъ и четвертымъ пальцемъ лѣвой руки.

Тогда нижняя челюсть и бородка козла придутъ въ движеніе.

Дѣлая тѣнь зайчика (рис. 3) надо приводить въ движеніе второй и третій пальцы обѣихъ рукъ.

Для того, чтобы сдѣлать жокея на лошади (рис. 4), надо вырѣзать изъ бумаги шапочку и держать ее зажатой между вторымъ и третьимъ пальцемъ правой руки, а большіе паль-

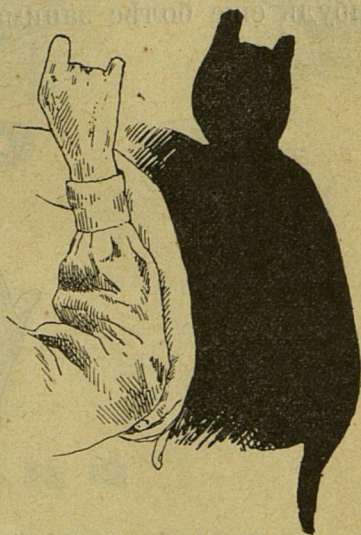

Рис. 5.

Сдѣлавъ это, вы увидите на стѣнѣ тѣнь краба съ его неуклюжими лапами. Тогда, то приближая руки къ стѣнѣ, то удаляя ихъ отъ нея очень медленно и шевеля всѣми пальцами, кромѣ большихъ, вы получите

цы обѣихъ рукъ соединить завязанной веревочкой. Это одна изъ самыхъ простыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень интересная тѣнь.

Теперь сдѣлаемъ кошку, какъ показано на рисункѣ 5-мъ. На лѣвой рукѣ рукавъ нужно засучить и двигать однимъ изъ пальцевъ этой руки, чтобы привести въ движеніе хвостъ на тѣни.

Двигая согнутымъ указательнымъ и маленькимъ пальцами, заставимъ кошку шевелить ушами, но всего интереснѣе заставить ее умываться. Для этого нужно выставить большой палецъ правой руки и гладить имъ указательный палецъ. Послѣдній сначала долженъ оставаться неподвижнымъ, а потомъ его нужно нагнуть къ большому пальцу, и тогда кошка, помывъ мордочку, начнетъ мыть голову, захватывая лапкой ухо.

Вотъ все, что я приготовилъ для васъ на сегодняшній вечеръ. Для слѣдующаго вечера постараюсь приготовить что-нибудь еще болѣе занимательное, а пока, до свиданья.

Амъ.

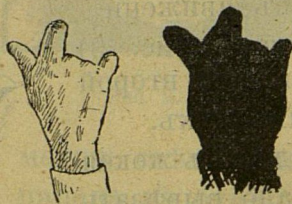
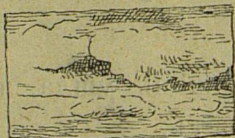

Рис. 6.

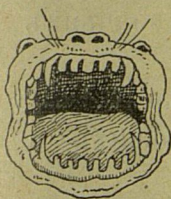
Ребусъ № 1.

НЕ

10 й	20 й
МЪСТО	
20 й	15 й 10 й
5 й	10 й 10 й

ЙСЯУ

У

Е

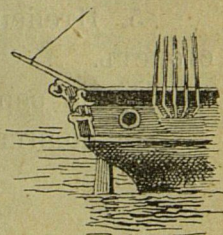
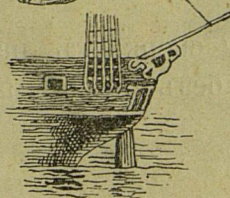

Л

Н

СИТ'

АМ

В

ШЬ
О
С
Я

Р

Рѣшеніе ребуса № 12.

Заканчивая свои дѣла въ старомъ году, надо помнить:
окончаніе одного дѣла ведетъ за собой начало другого

Якутскія загадки.

1. Бѣлая лошадь ушла, желто-бѣлая прошла, а голубая пльветъ и пльветъ.
2. Два соболя лежатъ ногами другъ къ другу.
3. Изъ подъ валежника выбѣгають люди въ волчьихъ дохахъ.
4. Кого всегда кормятъ и кто никогда не наѣдается.
5. Птенецъ улетѣлъ, а мать осталась и дрожить и стонеть.
6. На верху сверкаетъ, на низу стелется.
7. Ходитъ безъ ногъ, машетъ безъ рукъ, летаетъ безъ крыль.

Отъ кохторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р., къ 1-му Мая.

6. Желаящіе получить рукопись обратно должны присылать почтовья марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ

Открыта подписка на 1908 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

III-й г.
издав.

ТРОПИНКА

III-й г.
издав.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждого мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

Allegro, К. Бальмонтъ, А. Бахтиаровъ, М. С. Безобразова, А. Влокъ, Андрей Бѣлый, Л. Бѣльскій, О. Вьялевская, Л. Васильевскій, З. Венгерова, пр.-доц. А. Генкель, И. Гинцбургъ, З. Гипшусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, проф. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасеина, Д. Мережковскій, В. Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Гр. Петровъ, Э. Пименова, Д. Потѣхинъ, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, Ф. Сологубъ, С. Соловьевъ, В. Успенскій, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, О. Химона, Е. Юнге и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Билибинъ, Т. Гипшусъ, С. Городецкій, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Е. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Allegro), М. Сабашникова, Е. Чичагова, Е. Юнге и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставк. и пересылк. 3 руб.,
на полгода 2 руб., за границу 5 руб.

 Подписка принимается въ конторѣ журнала и
во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

Адресъ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Редакторы-Издатели Л. Соловьева и Ж. Манасеина.

Типографія П. П. Сойкина, Спб., Стремянная, 12.